

О бессмертии (по Юнгу)

Приветствую тебя, бессмертный человек! Было бы богохульство, если бы я назвал тебя смертным. Здесь, на земле, ты творение, не достигающее конечной цели бытия, — здешняя жизнь не полная жизнь, а только начаток жизни, — заря или лучше слабый сумрак, являющийся пред наступлением дня. Действительная жизнь твоя начнётся только после смерти, когда расторгнутся узы брэнной плоти. Тогда с торжеством ты вступишь во врата вечности, и никогда не увядаемая юность будет твоим наследием. Изумятся небеса, когда будешь входить в их жилище ты — дотоле слабое существо, нежданный гость их. Благодарю Тебя, Боже всемогущий, Боже Благодетель мой, что Ты сыну праха даруешь узреть бессмертие. Когда мой взор ограничивается только этою временною жизнью — тогда непривлекательная картина открывается предо мной. Когда же устремляю взор свой во врата вечности, — душа моя возвышается и пламенеет; взгляд мой на всё сотворённое расширяется и просветляется. Вселенная представляется мне тогда не в образах тёмной массы, отданной в жертву тления и разрушения, но в блистательном свете, целесообразною, законченною, чающею свободы чад Божиих. Всё тот же я — брэнный и немощный; но теперь становлюсь другим, лучшим существом. Вдали из непроницаемого мрака, как тени из гробов, в последовательном порядке восстают судьбы времён грядущих. Вижу природу, отверзающую для меня свои недра; но зрю и душу, парящую от недр земных в неведомые дальние страны. Вижу, как душа борется с страданиями тяжкой болезни и ужасами смерти; для меня понятны её ощущения скорбей прожитой жизни. Но вот последний вздох земного дыхания вышел из тела, — она переходит в страну вечности, и там открывается пред нею новый свет, новая нескончаемая жизнь, где нет и тени скорбей и болезней, а вечные радости разлиты всюду рукою Бога Благодателя. Там я вижу множество чистейших духов, новые существа, назначенные, как и я, к блаженству; со всеми ими я вступаю в родство, называю их своими братьями, своими верными друзьями, вместе с ними начинаю славить имя вечного Бога. Все тайны нравственного мира делаются открытыми мне. Здесь мы живём под разными формами управления, каждый занимает известное место в земной иерархии; там будем жить свободными гражданами вселенной, — будем бессмертными обладателями всех её сокровищ, — не будет среди вас нищеты и убожества, но все равно будем иметь право на обладание бесчисленными дарами неба. Здесь познания наши ограничены, и малая часть их стяжается многим трудом и терпением; там знание наше разовьётся широко и без труда будем мы обладать ведением божественных дел, — обнимем мыслию Бога и будем читать в лоне Его премудрые планы мироздания. О бессмертие, кто в состоянии описать твои сокровища, которые ты хранишь для нас! Моё сердце приходит в трепет от ожидаемого вечного счастья.

Но не мечта ли одна — моё бессмертие? Не напрасно ли я созидаю вдали моё счастье, осязаю за гробом моё блаженство? «Я вижу на земле только длинный ряд существ, которые или изменяются или совсем исчезают; вижу — переходят целые роды, поколения, и вместо их появляются новые роды, новые поколения, новые народы. Всё это не что иное, как бесконечный прилив слабых и тленных существ, коих цель — ничтожество. Ничтожество — не есть ли то слово, которое на языке других означает вечность?»

Но та же природа, которая представляет ряды изменений и исчезновений существ на земле, возвышает голос свой, чтобы обличить тебя, неверующий, и доказать тебе твоё бессмертие.

Войдём в храм вселенной; спросим здесь высшую премудрость, и мы с тобою не выйдем оттуда, не убедаясь в своём бессмертии. Всё идёт в природе в стройном чине; совершаются в ней последовательные изменения и ничто не уничтожается. Ночь сменяет угасающий день; день вновь рождается из мрака ночи; звёзды восходят и скрываются, чтоб вновь явиться на горизонте;

Войдём в храм вселенной; спросим здесь высшую премудрость, и мы с тобою не выйдем оттуда, не убедаясь в своём бессмертии. Всё идёт в природе в стройном чине; совершаются в ней последовательные изменения и ничто не уничтожается. Ночь сменяет угасающий день; день вновь рождается из мрака ночи; звёзды восходят и скрываются, чтоб вновь явиться на горизонте;

Войдём в храм вселенной; спросим здесь высшую премудрость, и мы с тобою не выйдем оттуда, не убедаясь в своём бессмертии. Всё идёт в природе в стройном чине; совершаются в ней последовательные изменения и ничто не уничтожается. Ночь сменяет угасающий день; день вновь рождается из мрака ночи; звёзды восходят и скрываются, чтоб вновь явиться на горизонте;

Войдём в храм вселенной; спросим здесь высшую премудрость, и мы с тобою не выйдем оттуда, не убедаясь в своём бессмертии. Всё идёт в природе в стройном чине; совершаются в ней последовательные изменения и ничто не уничтожается. Ночь сменяет угасающий день; день вновь рождается из мрака ночи; звёзды восходят и скрываются, чтоб вновь явиться на горизонте;

Войдём в храм вселенной; спросим здесь высшую премудрость, и мы с тобою не выйдем оттуда, не убедаясь в своём бессмертии. Всё идёт в природе в стройном чине; совершаются в ней последовательные изменения и ничто не уничтожается. Ночь сменяет угасающий день; день вновь рождается из мрака ночи; звёзды восходят и скрываются, чтоб вновь явиться на горизонте;

*Свирелин, А. И. О бессмертии (по Юнгу) / А. И. Свирелин // Владимирские епархиальные ведомости (часть неофициальная). — 1869. — 15 января (№2). — С. 81—94.

земля вращается около солнца и неизменно совершает своё течение. Посмотри на блистательное лето. Лучи солнца сияют на земных лугах, нивах и полях; благоухающий аромат цветов разливается в воздухе. Наступает осень, и блеск лета тускнеет, увядающею бледностью покрывается чело природы. После осени вступает в свои права зима, вся природа одевается белым смертельным саваном. За зимою следует весна: веселье и радость проявляются в природе, стихают суровые ветры, тают ледяные оковы, и юная жизнь снова пред нами. Заключая годовой круг, весна вновь вызывает лето из палящих южных стран, чтобы опять начать его. Таким образом, всё увядает в природе, чтобы опять процвести жизнью; каждая форма материи изменяется в другую новую форму, — жизнь возрождается из смерти, и от таких изменений и перемен вся вселенная всё-таки сохраняется в стройном чине, строгой соразмерности и чудном весе; ни один атом не теряется, и со дня творения мира нет ни одного существа, которое не было бы таким, каким создал его Творец.

с. 85 Вот, человек, доказательство твоего бессмертия. Ты умираешь, но не погибаешь, — со смерти начинается лучшее твоё бытие. Разница между явлениями природы и души та, что первая являет свою жизнь в кругу своих естественных видных изменений; а душа, заключённая в бренное тело, незримо стремится к новой жизни в небесах, и мрак могильный не скрывает этого божественного пламени её. Душа есть образ Божества. Жив Господь, жива и душа. Как часть Божества, вдохновенная Богом в бренное тело, она должна воззваться вновь к своему источному началу и возвратиться в недра Вечного Духа. Человек есть превосходнейшее творение из земных тварей; он один понимает и чувствует цену бытия; всё для него, как для царя вселенной, возрождается к жизни, — ужели он должен быть обречён на вечное тление? Нет, он не умрёт, а будет жить вовеки, — умирает из его существа только та часть, которая служит грубою оболочкою для его души; умирают скорби и печали, которые тяжёлым камнем ложатся на её чувства. Человек! Смотри на свою могилу как на утробу, которая в муках второго рождения изведёт тебя к новой жизни, к вечному бытию.

с. 86 Есть и другой закон в природе, как доказательство бессмертия. Мы видим в ней периоды возрастания, и в каждый период строго блюдутся все малейшие части известного предмета, без всяких упущений, промежутков и насилия. Каждое посредствующее существо соединяется в противоположных точках в форме великого и малого; каждая часть целого точно слагается с другой в стройном единстве и связи. Явления сии обличают в материи жизнь. От материи, восходя по лестнице мироздания, видим более ясные признаки жизни. Первая искра смысла, просвечивающая в животных, есть не что иное, как слабая заря, начинающая более совершенный день разума. Отсюда стройный переход от животных к человеку. Сияет и блещет разум в человеке, но неудовлетворимость его разумных стремлений, его ограниченность доказывают, что он на земле не достигает в человеке полного своего величия. Как же продолжить премудрую цепь от человека до тех высших существ, кои совершенно духовны и изъяты от власти смерти, если не предположить в его существе одной части его смертной, которою он, как звеном, связывается с земными существами, и другой — бессмертной, которою он связывается с бессмертными существами, высшими разумными духами? Не допускать сей связи, значит разрывать цепь мироздания и заканчивать её человеком; а сего не должно быть, — иначе останется пустота, пропуск в лестнице сотворённых существ.

Сколько чудес владычества человека распростёрто на поверхности земного шара! Вот обработанные для жатвы равнины; вот корабли, нагруженные богатствами, по воле человека плавают по необозримому водному пространству. Ему, человеку, повинуются океан, служат ветры и звёзды. Гений его располагает стихиями, и природа служит его целям. Ничто его не затрудняет: горы срываются, пропасти наполняются; на вершинах гор расположены великолепные и многолюдные города, — другие украшают глубокие долины, иные воздвигнуты над глубиной морской. Бурные волны шумят около огромной плотины их, и отталкиваются и покрывают свою пенистой белизной неподвижную крепость. Человек, как царь, изрёк морю: «Вот твой предел, вот твои новые берега — не переступай их!» Вот он же, человек, разрывает утробу земли, влечёт два моря от их берегов, заключает их в своих каналах и заставляет их соединиться в середине своих государств.

с. 87 Но этого мало: земля, содержащая в глубине своей сокровища, вручает оные человеку; небеса им измерены; бегущая в безмерном пространстве звезда не ускользает от внимательного астронома; пределы вселенной раздвинуты; железные пути связывают государства, и человек быстрее птицы переносится по ним из одного места на другое; телеграфы соединяют новый свет со старым и в несколько часов передают вести из одного в другой; фотографический свет с быстротою молнии изображает точно и отчётливо предметы видимого мира. При виде сих

и подобных им чудес, творимых гением и искусством человека, кто не воскликнет в восторге: «Да, бессмертное существо — это человек, обитающий на земле; ему подчинены все земные творения!» Верь же, человек, в своё бессмертие; подними своё чело и торжествуй своё величие. Пусть по манию Всемогущего небо и земля прейдут, огромные тела, висящие над твоей головой, обрушатся, — они не сокрушат души твоей; она с торжеством выйдет из развалин вселенной и устремится как пламя выше повсюдного разрушения в природе; существо её недоступно стрелам смерти.

Если природа не вразумляет невера, — если слаб для него голос Творца, Который вещает ему в своих творениях; то пусть он обратит внимание на своё существо, в котором так ясно напечатлены черты бессмертия. Природа не обманывает своих чад; не басни она написала в наших сердцах, в нашей совести.

Пасутся стада на тучной пажити — и довольны. Но человеку, господину их, нет мира на земле; внутреннее недовольство преследует его на каждом шагу. И монарх, и пастух равно жалуются на свою судьбу; от царского трона до хижины, едва защищающей бедняка от мраза и ветра, слышны вздыхания и стенания. Можно ли и подумать, чтобы Премудрый и Благий Бог осчастливил стада мои более, нежели меня? Что же значит моё недовольство? Это чувство моего бессмертия. Человек, сознающий своё величие над окружающим его миром и свои духовные стремления, и не находя им отголоска в здешнем мире, равно вздыхает как на престоле, так и в бедной хижине. Недовольство человека свидетельствует о его высоком достоинстве; его скорби и страдания вещают ему, что он создан для вечного счастья.

с. 88

Мы здесь странники. Земля, на которой живём, есть временная наша станция, на которой навсегда мы остановиться не можем. Пусть умножаются наши наслаждения — мы всё-таки остаёмся алчными и среди изобилия. Целое море удовольствий не может насытить нашего сердца до того, чтобы в нём не оставалось никаких желаний. Есть, например, в нас стремление к славе, и если мы не достигаем её, то скорее соглашаемся на унижение, чем остаёмся в покое. Если достигаем её — опять-таки не бываем покойны: тотчас рождается надежда на большую почесть, и счастье настоящего времени менее бывает живо и сильно, чем желание и искание его. Таков закон психологический. Коль скоро желание исполнено, счастье скрывается, и в сердце опять рождается желание лучшего. Что это значит? То, конечно, что Бог предоставил нам благо в одной надежде и готовит нам в будущем блага, гораздо драгоценнейшие земных. Человек одарён высокими способностями; но они здесь на земле в состоянии детства. Деятельность их гораздо ниже могущества их. Человек одарён разумом, и это не то, что инстинкт животных. Разум чрез образование и опыт получает большее и большее развитие; инстинкт скоро появляется и скоро достигает полного своего совершенства. Разум не вдруг обнимает предмет; инстинкт при виде своего предмета стремглав бросается к нему и обладает им. Каждое животное,сообразно с своей природой, в несколько дней достигает предела, назначенного ему; мера совершенства его скоро вырастает, и существо его становится dokonченным всегда на одной и той же степени. Пройдут века, но познания животных не расширятся, желания и наслаждения останутся те же, в действиях их окажутся одни повторения прежнего. Будет один и тот же человек жить целые столетия — его познания никогда не получат полного удовлетворения, и он умрёт с жаждою знания.

с. 89

Во всей природе видно стройное согласие. Каждая тварь проходит назначенные ей Творцом периоды совершенствования; везде видна целесообразность; каждый предмет в природе достигает последнего предела своего развития, и нигде не видно, чтобы эта прекрасная гармония была нарушена. Ужели один человек составляет исключение из сего общего закона? Ужели он должен погибнуть на половине своего поприща? Ужели природа, эта общая любящая всех тварей мать, для одного человека будет злою мачехою? Светило дня не закатывается на половине течения своего. Не может быть, чтобы разумно-нравственное светило-человек, этот высокий образ Божества, не получило окончательного совершенства — и величественные черты его природы могли умереть, исчезнуть при начале их развития?

Умереть... исчезнуть? Если такова твоя судьба, человек, то лучше тебе стать в ряду бессловесных. Сложи у ног их твой царский скипетр и твоё превосходство над ними; ты раб, они твои цари. Они превосходят тебя всем, что принадлежит к чувственной земной жизни: богатые пажити расстилаются под их ногами без труда земледельческого; питье им приготовлено рукой природы, и чистый ручей утоляет их жажду; одежда их растёт вместе с ними, — не приобретают они её в дальних землях; не ведут они войн для умножения своего богатства; богатство им даёт природа, а роскошная пажить составляет их блаженство. Удовольствия их чисты и не сопровождаются горечью; они у них живее и вернее наших,

с. 90

потому что чутьё их инстинкта непогрешимо, — он никогда не изберёт вредного. Мирных наслаждений их не отравляет ни сомнение, ни страх, ни суетная надежда, ни сожаление, ни отчаяние. Не найти нашим мудрецам того блаженного мира, которым они наслаждаются! Одни они обладают истинною философиею чувственной жизни. Скорби нравственного зла не удручают их; они принадлежат только разумным существам. Только один человек получил горестную привилегию проливать слёзы! Скорби животных ограничиваются только ощущением боли. У них нет душевных скорбей; прекратилось ощущение — кончаются скорби и стоны их. Не мучат их ни воспоминания протекших зол, ни ожидания их в будущем. Смерть приходит к ним без страха; они ощущают её только в момент поражения: одним ударом начинаются и прекращаются их предсмертные страдания. Ужели такое первенство животных пред человеком законно? Ужели будущее не исправит его и вечность не отверзет своих врат для уравнивания прав? Без сего уравнивания человек представляется чудовищною тварию, которая бесчестит своего Творца. Царь вселенной — человек, — в сём случае есть не что иное, как постыдное пятно в величественной картине мироздания.

с. 91

Если рассматривать земную жизнь человека в отношении к подобным ему (то есть людям же), то и здесь найдётся много несообразностей. Очень часто бывает, что нищета и слёзы достаются на долю человека добродетельного, а изобилие и довольство принадлежат нечестивому; несчастья падают на главу того, кто их, по-видимому, всего менее заслуживает, — порок и преступления торжествуют, а добродетель бывает унижена, посрамлена. К чему твоё, человек благочестивый, упование, если могила есть дверь к твоему ничтожеству? Для чего ты бодрствуешь целый день, проводишь ночи в благочестивых подвигах и стоишь строгим стражем у непорочного твоего сердца? Ты думаешь — разумно это? Напротив, ты безумен, потому что напрасно изнуряешь себя и подымаешь на себя тяжёлое бремя. Добродетель твоя, приобретаемая с великими трудами и лишениями, — правда, свято соблюдаемая — это только пустые слова, грустные загадки, какие-то новые необъяснимые блага, которые всего лучше присоединить к прочим бедствиям человечества. Жизнь твоя кончится вместе с твоею смертию, — так к чему ж тебе добродетель, когда она только стесняет тебя и умножает твои скорби? Награды ей здесь, на земле, не воздаётся, — в будущем нет, — к чему ж её существование? Если выгоднее порок — лучше к нему устремиться; если разуму нет наследия в будущем — лучше отдать себя во владычество чувствам, — пусть они водят нами и управляют!

с. 92

Но что представить тогда вселенная? Одно безобразие. Порядок в ней в сём случае ниспровергается, — роды тварей перемешиваются, — вся природа покрывается мраком, всё лежит возле, разум должен быть осуждён на бездействие, совесть — этот неложный светоч добра и зла, должна быть насильно испорчена. О, нет, — желание уничтожения может родиться только в душе, умершей для добродетели!

Тебе представляется странным, что ты должен существовать вечно? Но разве не удивительно существование и на один час? Чудо не в том, чтобы продолжить бытие, но в том, чтобы дать бытие. Какую цену и значение будет иметь человек без продолжения бытия? Что будет значить самый высокий ум, если ему будет назначен один день бытия? Но может ли быть без значения человек, может ли он не иметь права на участие в нём Божества, когда Сам Бог приблизился к нему и из глубины вечности взором ума его ясно открыл себя во вселенной. Всюду видны шествия Божии, убеждающие в бытии Бога и бессмертии души нашей. Он сотворил сей видимый и прекрасный мир; Он наказал его потопом и снова воззвал его к бытию. По Его манию рождаются и умирают цари земные, уничтожаются сильные монархии — и возникают вместо их другие. Он воздвигал древних мудрецов, чтобы они своими нравственными правилами приготовили людей к просвещению светом религии. Он возбуждал святых пророков, чтобы они прозревали в мрачное будущее. Он давал уста и премудрость избранным своим, которые яко светила сияли светом истинной мудрости и добродетелей христианских. Его всемошною благодатию сонмы мучеников с радостью скончавали живот свой страдальческим подвигом.

с. 93

Для чего всё это? Для того, чтобы вразумить тебя, как дорога для Бога твоя бессмертная душа и как Бог близок к ней. Пойдём далее. Сколько раз совершались чудеса в природе! Сколько раз побеждались законы естества! Смертные с земли живыми переселялись на небеса; бессмертный и вечный Бог сошёл с неба и принёс нам свой священный закон. Пади ниц, неверный, пред книгою закона Божия, не касайся к ней своею нечистою рукою, чтобы Бог не поразил тебя смертию. Вспомни, с каким величием и славою, среди громов и бури Он возвестил Свою верховную волю. Услышала глас Его природа и затрепетала от ужаса. Священная гора Синай! Ты будь свидетелем присутствия Бога в природе. Ты слышала глагол Божий — и от него поколебались основания твои! Уверь меня и ты, грозное облако, явившееся на пламенеющей

вершине Синая. Если сего мало — зри ещё чудеса: вот чермное море от жезла Моисеева разделяется на две стороны, образуя как бы стены — и среди моря явилась суша для перехода Израильтян. От того же жезла эти воды устремляются и потопляют Фараона со всем воинством. Вот печь, седмерицею разжжённая огнём, не поपालает трёх отроков еврейских, — разъярённые голодные львы, как кроткие агнцы, окружают пророка Даниила, не причиняя ему никакого вреда, — вот разверзается земля, чтобы принять в свою утробу святотатцев. Словом: если я обращаюсь ко всем стихиям природы, то каждая из них представит очевидный памятник промышления Божия о бессмертной душе человека.

Итак, я бессмертен. Но что если и страдания, которые теперь удручают меня, также никогда не кончатся? Что, если моё бытие продолжится вовек — и так же вечно будут жить со мною мои бедствия? Что за радость тогда моё бессмертие? Но Ты, Господи, и грешного милуешь! Милующая рука Твоя и грешника, покаявшегося в своих согрешениях, вписывает в книгу блаженства. Верую, Господи, в Твоё неизречённое милосердие, — без смущения взираю на смерть и с радостью приветствую бессмертие.

с. 94